

18+

ЕЛЕНА БОКОВА

Как я училась слышать своего сына-подростка

Елена Бокова

**Как я училась слышать
своего сына-подростка**

«Издательские решения»

Бокова Е.

Как я училась слышать своего сына-подростка / Е. Бокова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697458-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Я
стояла под дверью его комнаты с табличкой «Вход воспрещён». Мой ласковый
мальчик превратился в чужого человека, который смотрит сквозь меня. Эта
книга — моя исповедь. О том, как я кричала, боялась, срывалась, читала
умные книги и с треском проваливала их советы. И о том, как однажды
дверь приоткрылась не для того, чтобы я вошла, а для того, чтобы я наконец
услышала того, кто живёт за ней.

ISBN 978-5-00-697458-6

© Бокова Е.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1. День, когда на двери сына появилась табличка «Вход воспрещён»	8
Глава 2. Скандал из-за «ты меня не уважаешь»	10
Глава 3. Нейробиология для чайников, или Почему он спит до обеда	12
Глава 4. Война за телефон, которую я проиграла	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Как я училась слышать своего сына-подростка

Елена Бокова

© Елена Бокова, 2026

ISBN 978-5-0069-7458-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

О том, как я потеряла сына, не выходя из собственной квартиры

Знаете это чувство, когда заходишь в комнату, а оттуда будто сквозняком выдуло всё тепло? Воздух есть, а дышать нечем. Примерно так я чувствовала себя каждый раз, проходя мимо двери в комнату сына.

Обычная белая дверь, с такой же белой ручкой, как и все двери в нашей квартире где-то в районе его четырнадцати с половиной лет превратилась в стену крепости, за которой поселился чужой человек.

Я не заметила, когда именно это началось. Кажется, ещё вчера мы вместе смотрели дурацкие комедии, ели попкорн и он хохотал так, что из носа летели кусочки кукурузы, а сегодня я ловлю себя на том, что боюсь заходить на кухню, если он там, задавать вопросы, что любое моё слово вызовет очередной взрыв или, что ещё хуже, ледяное молчание, которое может длиться днями.

Он перестал меня замечать. Я не преувеличиваю. Я существовала в квартире как обслуживающий персонал: принесла еду, дала денег, оплатила интернет, не лезь. Если я пыталась обнять – он каменел; если спрашивала, как дела – пожимал плечами и утыкался в телефон; если настаивала на чём-то – срывался на хамство, грубое, взрослое, цепляющее за живое.

Я помню вечер, когда я сидела на кухне, смотрела на остывший ужин, который он даже не попробовал, и вдруг поняла одну страшную вещь. Я не знаю своего сына. Я знаю, какой сок он любил в пять лет, знаю, что в семь он боялся темноты, знаю, что в десять он мечтал о собаке. Но кто этот человек с чужими глазами, который живёт в соседней комнате? О чём он думает? Чего боится? О ком мечтает?

Я не знала ничего.

И самое ужасное – я понятия не имела, как это узнать. Все мои старые приёмы перестали работать: обнимашки отвергались, разговоры «по душам» заканчивались скандалом, советы воспринимались в штыки. Я чувствовала себя слепым котёнком, который тычется в закрытые двери.

Мне было очень больно и стыдно, потому что где-то в глубине души я знала: это я виновата, я плохая мать, я что-то упустила, недодала, не так воспитала. У всех дети как дети, а у меня – инопланетянин в наушниках.

И тогда я сделала то, что делаю всегда, когда жизнь заходит в тупик. Я пошла в книжный.

Нет, я не купила книгу по воспитанию. Честно говоря, я вообще не знала, что искать. Я просто стояла в отделе психологии, смотрела на корешки и чувствовала себя ещё более никчёмной. Названия были такими умными: «Нейробиология подросткового возраста», «Как говорить, чтобы дети слушали», «Подросток: инструкция по применению». Инструкция! Как будто мой сын – это сложная техника, к которой потерялся пульт.

Я купила несколько книг, подписалась на каких-то психологов. Я читала запоем, ночами, когда он думал, что я сплю, а на самом деле я лежала и слушала, не скрипнет ли его дверь. И постепенно, сквозь слёзы, злость и полное непонимание, ко мне начало приходить что-то очень важное.

Я поняла, что мой сын не сошёл с ума. И я не плохая мать.

Я просто пыталась открывать дверь старым ключом, который больше не подходил к замку. Я ломилась в его жизнь с любовью, которая ему сейчас была нужна в совершенно другой упаковке. Я кричала, когда нужно было молчать. Я молчала, когда нужно было просто быть рядом. Я требовала уважения, теряя его с каждым своим криком.

Эта книга – не инструкция. Боже упаси, я ненавижу инструкции. Это моя личная история о том, как я проваливалась снова и снова, как рыдала на плече у подруги, как срывалась на мужа

и снова лезла обниматься к сыну, получая в ответ каменную спину. И как постепенно, шаг за шагом, я училась слышать.

Не слушать, не контролировать, не воспитывать, а именно **слышать** – того человека, который живёт за дверью.

Если честно, у нас и сейчас не всегда всё идеально. Он до сих пор может захлопнуть дверь у меня перед носом, но теперь я знаю, что это не конец света. И главное – теперь я знаю, что за этой дверью по-прежнему мой сын. Просто он стал другим, и я учусь быть матерью этого другого человека.

Если вы сейчас стоите перед такой же закрытой дверью и чувствуете себя потерянной и ненужной – эта книга для вас. Мы вместе обязательно справимся.

Глава 1. День, когда на двери сына появилась табличка «Вход воспрещён»

Я не помню, что именно я покупала в тот день в магазине, кажется, молоко, хлеб и что-то ещё по мелочи. Был обычный субботний поход в супермаркет, который я ненавидела всей душой, но который почему-то всегда выпадал на меня. Муж в командировке, сын сидит в своей комнате с наушниками – классическая картина маслом «Выходные в семье с подростком».

Я вернулась через сорок минут, отперла дверь, бросила пакеты в прихожей и уже собиралась крикнуть привычное: «Паш, я дома! Помоги разобрать сумки!», как вдруг замерла.

На двери его комнаты висел обычный белый лист бумаги, наверное, вырванный из альбома, но прикреплѐн он был не на скотч, а на какие-то булавки, которыми мой сын обычно прикалывает постеры групп, названия которых я не могу выговорить с первого раза.

Я подошла ближе. Крупными печатными буквами, с нажимом, фломастером было выведено:

«ВХОД ТОЛЬКО ПО СТУКУ. ТРИ РАЗА. ЕСЛИ НЕ ОТВЕЧАЮ – ЗНАЧИТ НЕ НАДО».

А внизу, видимо для особо непонятливых, череп с костями, нарисованный от руки, но старательно, даже с тенями.

Я сначала не поверила своим глазам. Потом мне стало смешно. Ну.. серьёзно, череп? Три раза стучаться? Это же так пафосно, так по-детски, так... мило. Я представила, как он сидел и рисовал это с самым серьёзным лицом, и чуть не расхохоталась.

Я постучала один раз, чтобы обозначить себя.

– Паш, прикольная табличка, – сказала я через дверь. – Я оценила юмор. Выходи, поможешь с сумками.

Тишина.

Я прислушалась. Вроде бы музыка играет, значит, он дома. Наверное, в наушниках и не слышит.

Я постучала громче ещё раз и ещё.

– Паш!

Никакой реакции. Я толкнула дверь. Она была не заперта, просто прикрыта. Он сидел за компьютером в наушниках спиной ко мне. На экране мелькала какая-то стрелялка. Я подошла и тронула его за плечо.

Он вздрогнул так, будто я его током ударила, резко обернулся, стянул наушники и уставился на меня с таким выражением лица, будто я застала его голым в ванной. В этом взгляде было всё: злость, удивление и какое-то ледяное презрение.

– Ты чего? – спросила я растерянно. – Я стучала.

Он медленно, очень медленно перевёл взгляд на дверь, потом снова на меня и выдал фразу, которую я буду помнить до конца жизни, настолько она была неожиданной, нелепой и обидной одновременно.

– Ты прочитала, что там написано?

– Что?

– На двери. Ты прочитала?

– Ну да, прочитала. Три раза стучаться. Я постучала.

– Ты постучала один раз, – отчеканил он, глядя мне прямо в глаза. – И вошла без разрешения. Там написано: «Если не отвечаю – значит не надо». Я не ответил, значит, не надо было входить.

Я моргнула. Мне показалось, что я ослышалась.

– Паш, ты серьёзно? Я просто хотела позвать тебя помочь с сумками.

– Я занят.

Он надел наушники и отвернулся к монитору.

Я стояла посреди его комнаты, сжимая в руках ключи от квартиры, и чувствовала себя полной дурой. В моей голове проносились тысячи мыслей: от «это просто гормоны, не принимай близко к сердцу» до «а может, он наркоман?» и «что я сделала не так?».

Я вышла. Прикрыла дверь. Постояла в коридоре. Потом разобрала сумки, сунула молоко в холодильник и села на кухне.

И тут до меня дошло.

Это была не шутка, не милая подростковая странность. Это был ультиматум. Он не просто повесил табличку, он обозначил границу, провёл черту, и я только что эту черту переступила.

Вечером мы не разговаривали. Он вышел из комнаты только один раз – налить себе чай, даже не ужинал. Прошёл мимо меня, как мимо пустого места. Я смотрела на его спину – широкую уже, не детскую – и пыталась вспомнить, когда в последний раз он меня обнимал, не чмокал на ночь для галочки, а по-настоящему, с разбегу, как в детстве.

Ночью я лежала и смотрела в потолок. Муж в очередной командировке, до него не достучаться. Подруги скажут: «Ой, да у всех так, перебесится». Свекровь скажет: «А ты меньше работай, больше занимайся ребёнком». А я думала об одной фразе, которую прочитала когда-то в книжке Франсуазы Дольто, ещё когда Пашка был маленьким и я зачем-то купила её про запас, думая, что пригодится потом. Книжка так и стояла на полке, никем не читанная, а фраза откуда-то всплыла: «Подросток должен убить образ родителя, чтобы стать собой».

«Убить образ» – хм.. красиво сказано, а в жизни это выглядит как табличка с черепом на двери и ледяное молчание в ответ на попытку поговорить.

Я не знала тогда, что это только начало, что дальше будет хуже, что я буду плакать в ванной, срываться и чувствовать себя самой никчёмной матерью на свете, что я буду покупать кипы книг по психологии и ненавидеть себя за то, что не могу применить ни один совет.

Но в ту ночь я поняла только одно. Мой маленький мальчик, который залезал ко мне под одеяло по утрам и шептал: «Мама, я тебя люблю больше всех на свете», – этот мальчик исчез, а вместо него в соседней комнате поселился кто-то чужой, кто требует стучаться три раза и рисует черепа на дверях.

И я понятия не имела, как с этим жить дальше.

Глава 2. Скандал из-за «ты меня не уважаешь»

После той истории с табличкой прошло три дня, в течение которых мы существовали как соседи по коммуналке, которые случайно оказались на одной жилплощади. Он выходил только по нужде – в туалет и на кухню за едой, причём выбирал моменты, когда меня там гарантированно не было. Я научилась определять его перемещения по звуку шагов: если скрипнула его дверь, значит, у меня есть минута, чтобы не высовываться из спальни.

Глупо? Ещё как, но мне было страшно снова наткнуться на этот пустой взгляд, услышать очередное «отстань», понять, что я больше ничего не значу в жизни человека, которому отдала больше четырнадцати лет.

К вечеру третьего дня напряжение стало невыносимым. Оно висело в воздухе, как перед грозой. Я ходила по квартире и чувствовала, что ещё немного – и я взорвусь или разревусь, или и то, и другое одновременно.

Я решила действовать по-хорошему. Приготовила его любимые куриные нагетсы – те самые, которые он обожал в детстве, с хрустящей корочкой и картошкой фри. Накрыла на столе, красиво разложила, постелила салфетку. Дура, да? Думала, что еда растопит лёд.

– Паш, иди ужинать, – позвала я как можно мягче. – Я нагетсы сделала.

Он вышел через десять минут. Молча сел, молча положил себе еду и уткнулся в телефон. Я сидела напротив, смотрела на его макушку и чувствовала, как во мне закипает злость. Я старалась, жарила эти куски курицы, надеялась на разговор, а он даже головы не поднял.

– Как дела в школе? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Нормально, – не отрываясь от телефона.

– Контрольная была?

– Была.

– Написал?

– Ага.

– На какую оценку?

Он вздохнул так тяжело, будто я заставила его разгружать вагоны, поднял глаза, посмотрел на меня с выражением бесконечной усталости и произнёс:

– Мам, какая тебе разница?

У меня внутри что-то щёлкнуло.

– Мне есть разница. Я твоя мать, меня волнует, как ты учишься.

– Зачем? – Он отложил вилку и уставился на меня в упор. – Чтобы было что подружкам рассказать? «А мой сын опять пятёрку принёс»?

– Не смей так со мной разговаривать.

– А как с тобой разговаривать? Ты всё равно ничего не понимаешь.

– Что я не понимаю? Объясни мне! – Голос уже срывался на крик, хотя я обещала себе держаться. – Я пытаюсь с тобой поговорить, а ты втыкаешь в телефон! Я готовлю, убираю, работаю, чтобы у тебя всё было, а ты даже не смотришь в мою сторону!

– Я не просил тебя готовить.

– Что?

– Не просил, – повторил он ледяным тоном. – Можешь не готовить. Мне всё равно.

Я встала из-за стола так резко, что стул чуть не упал.

– Значит, тебе всё равно? А если я вообще перестану заботиться о тебе? Если я скажу: давай, живи как хочешь, сам готовь, сам стирай, сам зарабатывай?

Он тоже встал. Мы стояли друг напротив друга через стол, как на ринге. Он уже был выше меня почти на целую голову. Его плечи расправились, подбородок вздёрнут, глаза злые, чужие.

– Ты думаешь, я не справлюсь? – усмехнулся он. – Справлюсь. Только ты потом не обижайся, что я вообще перестану с тобой разговаривать.

– Ты уже не разговариваешь! – заорала я. – Ты хамишь, ты закрываешься, ты ведёшь себя так, будто я тебе враг!

– Может, потому что ты орёшь на меня каждый раз?

– Я ору, потому что ты меня не слышишь! Потому что ты меня не уважаешь!

– Уважение надо заслужить, – отчеканил он.

И вышел, не оборачиваясь. Через минуту хлопнула дверь его комнаты, щёлкнул замок. Впервые в жизни он заперся изнутри.

Я осталась стоять посреди кухни. Рядом стояли тарелки с нетронутыми наггетсами, салфетка красиво торчала из салфетницы, идилия, блин. А у меня тряслись руки.

Я села на пол, прислонившись спиной к холодильнику и разревелась в голос, как ребёнок, уткнувшись лицом в коленки.

Он сказал: «Уважение надо заслужить». Мой сын, которого я родила, с которым ночей не спала, которому читала сказки и лечила разбитые коленки, сказал, что я не заслужила его уважения.

Я не помню, сколько просидела на полу, наверное, долго, потому что затекли ноги и стало холодно от холодильника. В какой-то момент я вытерла слёзы, встала, убрала тарелки в мойку и пошла в спальню. Мужу звонить не стала, что он скажет? «Не накручивай»? Я и так не накручивала. Я просто разваливалась на куски.

Ночью я лежала и прокручивала в голове эту сцену снова и снова, его слова, его взгляд, его усмешку. И вдруг вспомнила, что читала где-то у психолога Никиты Карпова – кажется, в его книге «Чертовы подростки». Он писал про уважение, что многие родители путают уважение и послушание, что уважение – это не вертикаль, где родитель сверху, а ребёнок снизу обязан, что если требовать уважения криком и ультиматумами, ты его никогда не получишь. Потому что уважение – это про горизонталь, про равенство ценности людей. А какой может быть разговор на равных, когда ты орёшь, а он заперся в комнате?

Я тогда не поняла до конца эту мысль. Я просто лежала и думала: как заслужить уважение человека, который ненавидит меня за то, что я пытаюсь быть его матерью?

Утром он вышел из комнаты, молча взял из холодильника йогурт и ушёл обратно. Я сидела на кухне с чашкой кофе и смотрела, как он проходит мимо. Мне хотелось остановить его, извиниться, обнять, ударить, снова заорать – всё сразу, но я просто сидела и молчала, потому что не знала, как правильно поступить.

Я только начала понимать: то, что работало раньше, больше не работает. Моя любовь, моя забота, мои крики, мои слёзы – всё разбивалось о его спину. Мне нужен был новый подход, но какой именно – я понятия не имела.

Глава 3. Нейробиология для чайников, или Почему он спит до обеда

После скандала на кухне прошла ещё неделя. Мы почти не разговаривали. Я ловила себя на том, что специально ухожу из дома по делам, лишь бы не сидеть в одной квартире с этим напряжением, встречалась с подругами, зависала в кафе с ноутбуком, брала заказы, которые раньше откладывала. Всё что угодно, лишь бы не думать.

Но думать не переставала.

Я прокручивала его слова про уважение, его усмешку, свой крик. И чем больше я думала, тем меньше понимала. Как мы до этого дошли? Где конкретно я свернула не туда?

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что ищу ответы в интернете ночами. Засыпала с телефоном в руке, просыпалась – и снова в поиск. Я вводила запросы: «подросток хамит что делать», «почему дети ненавидят родителей», «переходный возраст советы психолога». Вылезали тысячи статей, блогов, советов, большинство – вода: «Больше любви», «примите его таким», «просто будьте рядом». Легко сказать.

Но среди этого информационного шума я наткнулась на что-то, что заставило меня замечать. Какая-то лекция на ютубе, которую я открыла случайно и оставила фоном. Там выступал мужчина, кажется, нейробиолог, и говорил про мозг подростков.

Я не запомнила его имени тогда, но в памяти отложилась фраза, от которой у меня внутри всё перевернулось.

«Представьте, что мозг вашего ребёнка – это дом, в котором идёт капитальный ремонт. Причём электрики уже вырубili старое освещение, а новое ещё не провели. И в этом полумраке работает только одна кнопка – „удовольствие“. Она горит ярче всех».

Я перемотала, переслушала. Отыскала книгу, на которую он ссылался – Лоуренс Стейнберг, «Переходный возраст. Не упустите момент» и заказала её в тот же вечер. а следом – ещё несколько: Фрэнсис Дженсен, «Мозг подростка», Эвелин Кроне, «О чём он вообще думает?».

Когда они, наконец-то, пришли, я набросилась на них, как голодная на хлеб.

И то, что я там обнаружила, разделило мою жизнь на «до» и «после».

Оказалось, что всё, что бесило меня в Пашке – его вечный сон до обеда, его тупое зависание в телефоне, его рискованные выходки, его эмоциональные качели – всё это имело не педагогическое, а буквально физиологическое объяснение. Это было в его мозгах, в прямом смысле слова.

Я узнала, что в подростковом возрасте происходит мощнейшая перестройка нейронных связей. То, что работало в детстве, отмирает. Новое только строится. И в этом хаосе есть две главные зоны, которые развиваются с разной скоростью.

Первая – префронтальная кора. Это, если по-простому, наш «внутренний взрослый». Она отвечает за самоконтроль, планирование, понимание последствий, умение тормозить свои порывы. Так вот, у подростков эта зона ещё не созрела, и дозревать она будет лет до двадцати пяти!

А вторая зона – лимбическая система. Это центр эмоций и удовольствия. И у подростков она работает на полную катушку, даже слишком активно. Они ищут острых ощущений, потому что их мозг буквально требует дофамина. Им нужно всё и сразу, потому что центр удовольствия кричит громче, чем тихий голос разума, который шепчет: «Не лезь, убьёт».

Я читала и не верила своим глазам. То есть, когда Пашка ночами сидит в компе, а потом спит до двух, он не издевается надо мной? Когда он говорит: «Сделаю потом», он реально не способен оценить, что «потом» может быть поздно? Когда он рискует, ввязывается в дурац-

кие истории, он правда не думает о последствиях? Не притворяется, а не думает – потому что часть мозга, отвечающая за это, просто спит?

Оказалось, про сон – вообще отдельная песня. Я всегда злилась: как можно лечь в три ночи, если завтра в школу? Я считала это ленью, распушенностью, отсутствием воли. А нейробиологи говорят: у подростков сдвигаются циркадные ритмы. Их организм перестраивается так, что естественное время засыпания наступает позже – около одиннадцати-двенадцати ночи, а просыпаться они физиологически готовы не раньше восьми-девяти, то есть школа с её первыми уроками в 8:00 – это пытка для подросткового мозга. Они не высыпаются хронически, потому что идут против своей природы.

Я вспомнила, как Пашка каждое утро выглядел зомби, как я дёргала его: «Вставай, проспишь!», как он пил кофе и тащился в школу с красными глазами. Я думала – лентяй. А он просто был болен расписанием, которое придумали взрослые, не спросив его мозг.

Дальше – больше. Я прочитала про миндалевидное тело. Это такая штука в мозге, которая отвечает за базовые эмоции – страх, злость, агрессию. У детей решения принимает она, у взрослых – префронтальная кора, а у подростков – переходный период: миндалина ещё активна, а кора уже пытается рулить, но плохо получается. Поэтому они сначала реагируют, а потом думают, если вообще думают.

«Вот оно! – чуть не закричала я. – Вот почему он сначала хлопает дверью, а через час уже не помнит, из-за чего ссора!»

Я сидела на кухне, обложившись книгами, и чувствовала, как внутри меня что-то отпускает. Вся эта злость, которая копилась месяцами, – она была направлена не туда. Я злилась на Пашку, на его характер, на его «специально» меня доводит. А он просто... такой. Его мозг сейчас работает в режиме «стройка века». И он сам не рад.

Конечно, книги не говорили, что надо всё спускать на тормозах. «Мозг ремонтируется» – не оправдание для хамства, но это было объяснение, которое давало мне выбор: продолжать орать и требовать, чтобы он «взял себя в руки» (хотя взять их нечем), или попробовать по-другому.

Я вспомнила фразу из книги Дженсен: «Знание того, что происходит в голове у подростка, не сделает воспитание лёгким. Но оно сделает его осознанным. Вы перестанете принимать его поведение на свой счёт».

Это было про меня. Я принимала всё на свой счёт. Каждое «отстань», каждый хлопок дверью – я слышала как «ты плохая мать», а он просто жил в своём ремонтирующемся доме с кричащей проводкой.

В тот вечер Пашка вышел на кухню за чаем. Я сидела с книгой, пила кофе. Он прошёл мимо, налил кипятка и уже собрался уходить, как вдруг остановился.

– Ты чего читаешь? – спросил он, кивнув на обложку.

Я чуть не поперхнулась. Он не заговаривал со мной первым две недели.

– Э... про мозг подростков, – сказала я честно. – Пытаюсь понять, почему ты такой невыносимый.

Он фыркнул, но не ушёл.

– И поняла?

– Немного, – осторожно ответила я. – Например, что ты реально не можешь уснуть рано. Твой организм так устроен.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Ага, конечно. Удобная теория.

– Это не теория, это наука, – я показала книгу. – Тут написано, что твой мозг сейчас перестраивается, и часть, отвечающая за самоконтроль, временно не работает. Так что ты не виноват, что дверями хлопаешь.

Он хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

– А часть, отвечающая за тупость, там не описана?

– Описана, – серьёзно сказала я. – Она называется «подростковый возраст». Проходит лет к двадцати.

Он усмехнулся еле заметно, краешком рта.

– Ладно, бывай, – бросил он и ушёл к себе.

Я осталась сидеть. Впервые за долгое время я не чувствовала себя раздавленной. Я чувствовала что-то другое, кажется, это называлось «надежда».

Глава 4. Война за телефон, которую я проиграла

После того разговора на кухне про мозг прошло ещё несколько дней. Мы не стали лучшими друзьями, конечно, но лёд немного тронулся. Пашка перестал шарахаться от меня, как от прокажённой. Иногда даже отвечал на вопросы больше чем одним словом. Я чувствовала себя первооткрывателем, который наладил контакт с диким племенем.

Но расслабляться было рано.

Конфликт созрел там, где я меньше всего ожидала: там, где сейчас проходит граница между мирами – в телефоне.

У Пашки был айфон, прошлогодняя модель, подаренная дедушкой на день рождения. Я тогда ещё подумала: рано, зачем ему такая дорогая игрушка? Но дед настоял, а я не стала спорить. Теперь этот телефон стал продолжением руки моего сына. Он спал с ним, ел с ним, ходил в туалет с ним. Если Пашка выходил из комнаты, телефон был в кармане. Если садился за стол – клал рядом экраном вверх. Если я пыталась заглянуть, он мгновенно накрывал его ладонью или переворачивал.

Меня это бесило. Нет, не так. Меня это сводило с ума.

Я выросла в девяностые, где лучшим развлечением была книга или прогулка во дворе до темноты. Я помню вкус жвачки из вкладыша, помню, как мы собирались в подъезде и травили страшилки. А тут – человек, который не может прожить пять минут без того, чтобы не ткнуть пальцем в стекло.

Я пыталась договориться по-хорошему. Предлагала правила: телефон не за столом, телефон на ночь сдаётся, экранное время ограничено. Пашка соглашался, кивая головой, но ровно до того момента, как я отворачивалась, через минуту телефон снова был в руках.

Я злилась, но помня уроки из книжек про мозг, старалась не взрываться, дышала, считала до десяти, уходила в другую комнату.

Не помогло.

Всё случилось в обычный вторник. Я зашла к Пашке в комнату без стука (да, я знаю, что нельзя, но я же мать, чёрт возьми) и застала его за тем, что он быстро свернул какую-то игру и сунул телефон под подушку.

– Ты уроки сделал? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Сделал, – промямлил он в ответ

– Покажи.

– Чего?

– Дневник покажи или домашку.

– Мам, ты чё, не веришь мне?

Я вздохнула. Мы это проходили тысячу раз.

– Паш, я просто хочу проверить. Сделал – покажи, и я отстану.

Он закатил глаза, но полез в рюкзак. Протянул мне дневник. Я открыла – и увидела там аккуратную запись: «Задание в РЭШ, сделать до пятницы». И всё. Ни одного урока на завтра.

– А где остальное? – спросила я.

– Нет остального. Учителя болеют, замены нет.

Я посмотрела на него. Он смотрел в стену, слишком невинно.

– Паш, я сейчас зайду в электронный журнал и проверю.

Он дёрнулся.

– Зачем? Я же сказал!

– Потому что ты врешь.

Я вышла из комнаты, открыла ноутбук, зашла в журнал и обомлела: по трём предметам были задания на завтра; по двум – невыполненные работы за прошлую неделю; а по русскому – двойка за сочинение, которую он от меня благополучно скрыл.

У меня потемнело в глазах.

Я влетела в его комнату без стука.

– Ты что мне врёшь?!

Он даже не дёрнулся. Лежал на кровати, уставившись в телефон.

– Я не вру.

– А это что? – я ткнула ему в лицо распечаткой из журнала. – Это не твои долги? Это не двойка? Ты в курсе, что тебя могут оставить на второй год?

Он медленно поднял на меня глаза.

– Не оставят.

– Это кто тебе сказал?

– Я сам знаю.

– Ты ничего не знаешь! Ты в телефоне сутками сидишь, а про учёбу забыл! Отдай телефон!

Это вырвалось само без всякой мысли. Просто в тот момент я была настолько зла, что мне хотелось отобрать у него эту проклятую железяку и выкинуть в окно.

– Чего?

– Отдай телефон сейчас же. Будешь без него ходить, пока всё не сдашь.

Он сел на кровати. Лицо пошло красными пятнами.

– Не отдам.

– Это кто так решает? Я тебе его купила? Купила. Я имею право забрать.

– Мне дед подарил!

– А деда попросим, чтоб не дарил, раз ты учёбу забросил!

Я протянула руку. Он сжал телефон так, что побелели костяшки.

– Не отдам, – повторил он сквозь зубы.

– Отдай, я сказала!

Я рванула телефон. Он рванул к себе. Мы замерли в этой нелепой позе: я стояла, он сидел, между нами натянулась рука с телефоном, как канат перетягивания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.